

ленький дом и ущелье соответствуют образу ставрогинской вечности; туда он собирается переехать на “всю жизнь” [Т. 10. С. 218], “там жить вечно” [Т. 10. С. 513]. У Ипполита в “Идиоте” тоже есть своя мертвая вечность – мейерова стена, на которую он смотрел, когда лежал больной в чахотке и пришел к своему “последнему заключению”.

Неожиданно снова возникает образ вечности “на аршине пространства” в “Идиоте” в связи с мировосприятием князя Мышкина. Оказавшись уже вечером вместе с Епанчинными в Павловском воксале, после того как Аглая назначила ему свидание, князь вдруг впадает в странную задумчивость. “Иногда ему хотелось уйти куда-нибудь, совсем исчезнуть отсюда, и даже ему бы нравилось мрачное, пустынное место, только чтобы быть одному с своими мыслями и чтобы никто не знал, где он находится <...> Мгновениями ему мечтались и горы, именно одна знакомая точка в горах, которую он всегда любил припоминать и куда он любил ходить <...> и смотреть вниз на деревню, на чуть мелькавшую внизу белую нитку водопада, на белые облака, на заброшенный старый замок. О, как бы он хотел очутиться теперь там и думать об одном, – о! всю жизнь об этом только – и на тысячу лет бы хватило!” [Т. 8. С. 286–287) в этом странном видении-воспоминании просматриваются и узенькая площадка на скале, “вечное уединение и вечная буря” Раскольникова, и уже присутствует мрачное швейцарское ущелье Ставрогина. Такое видение вечности свидетельствует о наличии внутреннего подполья, об отделенности от людей и одиночестве прибывшего из Швейцарии князя. В то же время, в отличие от представлений о вечности у других героев в видении Мышкина присутствует красота и осязаемо влияние руссоистских идеалов. Однако Мышкину доступно и иное переживание вечности: в романе подробно описывается опыт ощущения вечности в остановке времени, слияния прошлого, настоящего и будущего в минуту перед эпилептическим припадком – то есть в миг особой интенсивности сознания, наивысшего напряжения душевных сил при жизни.

В этом же романе Ипполит высказывает мысль, что смысл жизни – в одной жизни, в самой жизни, “в открывании ее, непрерывном и вечном, а совсем не в открытии!” [Т. 8. С. 327) Ипполит, приговоренный чахоткой к смерти, юноша, которому осталось жить несколько недель, воспринимает нормальную человеческую жизнь как беспредельность, что-то, где возможно “вечное” открывание. В рассказе Мышкина приговоренный к смертной казни, стоящий на эшафоте так же, как Ипполит, думает: “Что если бы воротить жизнь, – какая бесконечность!” [Т. 8. С. 52].

В “Бесах” Кириллов верит не просто в “будущую вечную, а в *здесь-июю вечную*” жизнь [Т. 10. С. 188). В комнатке, где по ночам он пьет чай, Кириллов доходит до минут, когда “время вдруг останавливается и будет *вечно*” [Т. 10. С. 188]. В сущности, это тоже вариант знакомой